

Károly Rédei, *Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows, Budapest 1968.* 138 стр.

Письменный памятник прошлых веков всегда представляет большую ценность для исследователей языка. Из финно-угорских наиболее известны письменные памятники на венгерском, финском и эстонском языках. Интересные факты этого плана дают и пермские языки. Ведь, как известно, еще в XIV веке была создана так наз. древнепермская азбука. В 1952 году В. И. Лыткин познакомил общественность с научной разработкой языковых данных этого и более позднего периодов.¹ К сожалению, до наших дней дошло немного памятников древнего языка. Четвертая часть древнепермских слов сегодня вообще не понятна. Прошлый век оставил нам тоже немного памятников. Тем больший интерес вызывает выход в свет словаря, составленного Кароём Редеем, который содержит около 3000 коми-пермяцких слов, бывших в употреблении в первой половине прошлого века.

В словаре использован материал Ф. А. Волегова, который, будучи пермяком по матери, родился и вырос в бывшей Пермской губернии и хорошо знал местный язык. Ф. А. Волегов ревностно изучал историю и этнографию коми-пермяков, при этом он делал и лингвистические записи. Происходят эти записи из Усолья (Прикамье) и особую ценность придает им то обстоятельство, что более ранних письменных памятников этого края не сохранилось.

В 1843 году Ф. А. Волегов подарил рукопись своего словаря Анталу Регули и до сих пор она хранилась в Архиве рукописей Венгерской Академии наук. Кароём

¹ В. И. Лыткин, *Древнепермский язык*, Москва 1952.

Редеем упорядочил лексику на основе славянского алфавита, так как в заглавных — пермских словах сохранено написание Ф. А. Волегова, который при записи слов пользовался русской орфографией того времени. В основном Ф. А. Волегов последователен и К. Редеем признал его написание заслуживающим доверия. В случае, вызывающем сомнение, ставится вопросительный знак и рядом с сомнительным звуком приводится в квадратных скобках предположительно верный. В предисловии дана рекомендация, как написать Ф. А. Волегова привести в соответствие с упрощенной транскрипцией, принятой в наши дни. Переводы пермских слов на русский язык даны в современной орфографии.

В рецензируемой работе собранная Ф. А. Волеговым лексика приводится в известной степени этимологизированно. Слова, совпадающие по этимологии, собраны в одной словарной статье. Явные заимствования из русского языка снабжены соответствующей ссылкой. За глагольными формами или производными следуют исходные глаголы в инфинитиве с переводом на немецкий язык. Если зафиксированное слово имеет соответствие в новейших словарях, последнее также приводится после заглавного слова. При словах, имеющих во всех диалектах одно и то же значение и один фонетический облик, данные по диалектам отсутствуют. Вообще же сравнительный материал почерпнут, как правило, из пермского диалекта. Пользование словарем облегчает регистр русских слов, помещенный в конце работы.

АНУ-РЕЭТ ХАУЗЕНБЕРГ (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1969.4.11>

П. С. Кудяев, *Категория послелога в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Саранск 1968.

4 апреля 1969 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного универ-

ситета защитил кандидатскую диссертацию «Категория послелога в мордовских языках» преподаватель мордовского госу-

дарственного университета П. С. Кудяев. (Научный руководитель — доцент Н. Ф. Цыганов). Официальными оппонентами выступили академик Академии наук ЭССР П. Аристэ и доцент С. З. Деваев.

Кандидатская диссертация П. С. Кудяева объемом в 280 стр. рукописи впервые дает систематический обзор послелогов, их употребления и значения в мордовских языках. Подавляющая часть материала почерпнута из произведений художественной литературы, написанных на мокша-мордовском литературном языке. Эзя-мордовский литературный язык принимается во внимание лишь мимоходом. Кроме того, в работе встречаются ссылки случайного характера на свидетельства тех или иных говоров.

Диссертация открывается введением (стр. 2—5), вслед за которым излагается история изучения мордовских послелогов (стр. 6—32). Здесь отмечается, в частности, что по вопросу о послелогох в мордовских языках уже была написана кандидатская диссертация: А. К. Имяреков, Происхождение и развитие послелогов в мордовских (мокшанском и эзянском) языках. Саранск.* Кстати, в составленном О. Киви перечне (см. СФУ III 1967, стр. 231—236) эта диссертация не значится; по-видимому, она осталась незащищенной. Работа П. С. Кудяева не дает нам полной ясности, каково соотношение его диссертации с исследованием А. К. Имярекова (стр. 27 и сл.). Послелого мордовских языков уже рассматривались и в ряде статей. Одна из них в рецензируемой диссертации не упоминается: А. И. Бочкаева, Употребление послелогов с внутренне-местными падежами эзя-мордовского языка (Труды Института языкознания III, Москва 1954, стр. 174—180).

В разделе «Категория послелога в мордовских языках» (стр. 33—75а) содержится общая характеристика системы мордовских послелогов, анализ соотношения послелогов с именами существительными, к которым они восходят; здесь же рассматривается соотношение конструкций «имя существительное + послелог» с конструкциями «имя существительное + имя существительное» и со сложными словами, а также соотношение послелогов с

наречиями. В связи с проблемой сложного слова автор прибегает к параллелям из родственных языков. При этом среди эстонских примеров оказалась не существующая в эстонском языке форма *kivikodu* (букв.: каменный родной (= отчий) дом) (стр. 46); здесь явно подразумевается *kivimaja* 'каменный дом'.

В заключительной части главы (стр. 75—76) приводятся этимологии ряда мордовских послелогов (их соответствия в родственных языках). Подбор послелогов носит весьма случайный характер. Возникает вопрос: если они приводятся, то почему обойдены этимологии ряда мордовских послелогов, зафиксированные в научной литературе старшей поры (ср., напр., Н. Paasonen, *Mordwinische chrestomathie*, Helsingfors 1909), такие, как *вастса*, *видеса*, *кядьса*, *перьф*, *ширеса* и др. Мордовскому *кувалмо*, *кувалма* 'вдоль' соответствует в финском языке, конечно, не *pitkä* 'длинный', как это утверждается на стр. 75а, а *kauka* 'даль' (ср., напр., Н. Paasonen, указ. раб., стр. 87). Еще более странные «этимологические соответствия» предлагаются в связи с морд. *таркас* 'вместо' (*тарка* 'место'); фин. *sija* 'место', *sijassa* 'вместо', венг. *hely* 'место', *helyett* 'вместо' и т. д. (стр. 75а).

В основной части работы — «Категориальные функции послелога» (стр. 76—260) — дается характеристика мордовских послелогов по их отдельным семантическим функциям: «Послелого и послеложные слова с пространственным значением» (стр. 79—226), «Послелого, выражающие временные отношения» (стр. 226—230), «Послелого, выражающие целевые отношения» (стр. 230—231), «Послелого, выражающие причинно-следственные отношения» (стр. 231—233) и т. д. Сущность некоторых смысловых групп сформулирована недостаточно четко (напр., на стр. 246—249). В рамках каждой из семантических групп один за другим рассматриваются входящие в эту группу послелого (напр., в рамках первой из упомянутых семантических групп: «Послеложные слова *ала*, *алда*, *алу*, *алга*»; «Послеложные слова *бокса*, *бокса*, *боку*, *бокс*, *бокова*» и т. д.), их более детальные смысловые оттенки, падежи, которых они требуют, и т. д. Анализ то направлен вглубь, то скользит по поверхности. Более половины

* По имеющимся у рецензента сведениям, 1941 г.

всей диссертации (148 стр.) занимает трактовка послелогов с так наз. пространственным значением. Непропорциональность объясняется тем, что в этом разделе фактически рассматриваются и иные, непространственные значения соответствующих послеложных слов: временные, целевые и т. д. В результате раздел «Послелого, выражающие временные отношения» (5 стр.) включает лишь те послелого, которые в пространственном значении вообще не выступают. Послелого, выражающие наряду с временными отношениями и пространственные, здесь только перечисляются (стр. 230). При этом, к сожалению, отсутствуют даже отсылки к страницам, где дается основная трактовка того или иного послелога. К тому же автор не всегда последователен в избранной им же системе изложения. Так, в перечне послелогов, выражающих временные отношения (стр. 230), упоминается послелог *алу* 'под'. Однако в подразделе, где содержится основной материал по послелогу *алу* (стр. 82—84), мы не находим анализа семантических оттенков, выражающих временные отношения. Далее, в разделе «Послелого, выражающие целевые отношения» (стр. 230—231) по поводу послелога *инкса* вполне правильно отмечается, что он выражает также и причинно-следственные отношения (стр. 231). Однако в непосредственно следующем за этим разделе «Послелого, выражающие причинно-следственные отношения» (стр. 231—233) *инкса* даже не упоминается. Между тем в отличие от общей системы послелог *вельде* рассматривается в двух разделах (стр. 235—237 и стр. 248). То же относится к послелогу *мархта* (стр. 233—235 и стр. 237—238).

В основной части работы встречаются и некоторые другие факты непоследовательности и даже явные ошибки. Так, финское сочетание *metsän yllä* переводится как 'под лесом' (стр. 160; должно быть 'над лесом').

В отношении послеложного слова *меле* (эрз. *мейле*) утверждается, что оно восходит к существительному *мяль* (эрз. *мель*) (стр. 161). На деле же вполне очевидно, что такое развитие фонетически (а также семантически) невозможно. К тому же на это послеложное слово уже давно разработана неопровержимая этимология, которая П. С. Кудавым даже

не упоминается (см., напр., Н. Раасонпеп, указ. раб., стр. 161; SKES II, стр. 357).

В отношении послелогов *тейса*, *тейста*, *тейс*, *тейге* утверждается, что они генетически связаны с местоимением *тя* 'этот' (стр. 188). Остается непонятным, почему в таком случае в первом слого мокшанского послелога *тейса* содержится гласный *e*, тогда как в соответствующей форме местоимения *тя* — в *тяса* 'здесь' выступает гласный *a* (*я*). Автор не счел необходимым даже поставить вопрос о том, откуда в послелогах появился *й*, или хотя бы упомянуть о том, что рассматриваемые послелого — и весьма убедительно — приводятся в связь с финским словом *tyvi* 'ствол' (см., напр., Н. Раасонпеп, указ. раб., стр. 140).

Касаясь происхождения послелогов *эса*, *эс*, *эзда*, *эзга*, *эшка*, эрз. *эйсэ*, *эйс*, *эйстэ* и других (стр. 204—209), автор пространно излагает рассуждения и ошибочные положения Ф. И. Видемана, А. А. Шахматова, Д. В. Бубриха, а также свои собственные. Фактически же эта проблема уже давно в общих чертах в научной литературе решена. Вопрос заключается в том, что мы имеем дело с двумя разными местоименными корнями: 1) с исконным финно-угорским *э-* (*э-са*, *э-с*, *э-ста*, *э-шка*) и 2) с *эз-* (*эз-да*, *эз-га* и др.; в эрзянском языке *эз-* > *эй-*: *эй-сэ*, *эй-с*, *эй-стэ*); эти два корня нельзя, конечно, смешивать с третьим местоименным корнем, содержащим в себе палатализованный *св*: *эсь* 'сам', фин. *itse* (ср. трактовку этих трех корней у Х. Паасонена в указанной работе, стр. 62, 63, 64; см. также: К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, Москва 1964, стр. 25—26, где, в частности, сделана попытка объяснить происхождение корня *эз-* слиянием корней *э-* и *се-*).

О послелогах *коре*, *коряс*, *корява* автор безо всяких комментариев пишет, что они — застывшие формы косвенных падежей имени существительного *кор* 'характер' (стр. 240). Однако каким образом в послелогах появились смягчение согласного *р* или гласный *a* (*я*) на исходе корня, или же к какому из косвенных падежей восходит форма *коре*, П. С. Кудав не объясняет. Не определяет он и свою точку зрения на утверждение Х. Паасо-

нена, согласно которому *коре* представляет собой заимствованное слово тюркского происхождения (H. Paasonen, Die türkischen lehnwörter im nordwälschen. — MSFOu XV₂ 1897, стр. 38).

В заключении по основной части работы П. С. Кудавев категорически утверждает, что «послелоги и послеложные слова в мордовских языках образовались на базе косвенных падежей имени существительного» (стр. 260). Однако какой из косвенных падежей мог бы быть представлен, напр., в послелогах *ала* (стр. 79—81), *вяре* (стр. 106), *инголе* (стр. 113—115), *кувалма* (стр. 131—133), *ланга* (стр. 141, 153—155), *меле* (стр. 160—165), *пачк* (стр. 168—171), *пачка* (стр. 171), *пяле* (стр. 183—184), *туркс* (стр. 190—191), *фтала* (стр. 191—192), *утора* (стр. 195—196), *кодяма* (стр. 238—240), в заимствованных *карша* (стр. 119—255) и, быть может, в некоторых других послелогах, — все это остается и в упомянутом заключении, и при анализе соответствующих послелогов нераскрытым (фактически в перечисленных послелогах тот или иной из косвенных падежей, конечно, не сокрыт).

За основной частью диссертации следует занимающий одну страницу раздел, озаглавленный «Сказуемые суффиксы при послеложных словах» (стр. 261): *фталан* 'я позади', *фталаг* 'ты позади', *фтала* 'он позади' и т. д. Между прочим,

здесь оказался бы вполне справедливым вопрос, может ли сказуемое изменение встречаться у всех без исключения послелогов.

Затем идет — также на одной странице — раздел «Послеложные местоимения» (стр. 262): *алон* 'под мной', *алот* 'под тобой', *алонза* 'под ним' и т. д. Здесь приводится интересный факт, что некоторые из послелогов не могут функционировать как послеложные местоимения, напр. *эземс* 'вместо' (ср. *эзем* 'скамейка'), а также послелоги *башка*, *вярьге*, *меле*, требующие аблатива, и т. п.

В списке послелогов, рассмотренных в диссертации (стр. 263—268), значатся только мокшанские формы. Нет здесь и отсылок к страницам, что тем более неудобно, поскольку место анализа того или иного послелога не отмечается в оглавлении.

Список литературы (стр. 268—278) насчитывает 6 + 55 + 101 наименование. Однако значительную часть в этом списке составляют весьма случайные библиографические находки автора: в диссертации они фактически не использованы и не цитируются, и, как это уже было показано выше, частью автору по существу не известны. В отношении некоторых из работ, включенных в список, встает вопрос о том, какова вообще их связь с представленной диссертацией.

ВАЛМЕН ХАЛЛАП (Таллин)

Владимир Владимирович Чарнолуский

16 марта 1969 г. после тяжелой болезни скончался Владимир Владимирович Чарнолуский, посвятивший многие годы изучению саамов. В. В. Чарнолуский родился в 1894 г. в Петербурге. После окончания Петербургского коммерческого училища в 1914 г. он учился в художественных училищах, но с началом войны был мобилизован и до 1918 г. находился в составе передового санитарного отряда. Демобилизовавшись, В. В. Чарнолуский некоторое время работал в Новозыбкове, в 1921 г. был направлен в Ленинградский географический институт, который окончил в 1926 г. Еще студентом В. В. Чарнолуский участвовал в работе Северной научно-промышленной экспедиции по изучению оленеводства на п-ве Канин (1922 г.). Изучением саамов он занимался как научный сотрудник Лопарской экспедиции АН СССР (1926—1928 гг.), Кольской экспедиции Русского географического общества (1928—1929 гг.), Оленеводческого институ-

та (1931—1932 гг.), фольклорной секции Союза писателей (1936—1938 гг.). Он имел возможность наблюдать их жизнь, обряды, записывать фольклор. Во время Великой Отечественной войны он был ее участником, после демобилизации в 1946 г. работал художником-графиком. Выйдя на пенсию в 1958 г., В. В. Чарнолуский вернулся к саамским материалам и обрабатывал их, подготавливая к публикации.

Изучение быта и деятельности саамов обобщено В. В. Чарнолуским в работах «Заметки о пастыбе и организации стада у лопарей» (— Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР, вып. 23, 1930), «Оленья изгородь» (Москва—Ленинград 1931), «Пастбища и приемы выпаса оленей» (Москва 1932). В результате обработки фольклора им переведены и опубликованы «Саамские сказки» (Москва 1962), «Легенда об олене-человеке» (Москва 1965) и др.

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ (Ленинград)

